

Выйдя в космос, человек понял, что границ между странами не существует.

Выход в космос стал еще одним сигналом того, что прошлое кончилось.

И потому, предъявляя свое понимание глобальной проблемы, говорю: она в том, что политику и поведение людей по сей день продолжают определять «музейные» ценности.

Мы с упорством, достойным иного применения, совершенствуем не общество, а изоляционные механизмы, ведущие в тупик.

Этносы не воюют

М.Х. *Недавно в семье нашего с тобой общего знакомого «случилась история». Дочь училась в престижной московской школе с углубленным изучением иностранных языков, много читала, не пропускала интересных художественных выставок и театральных постановок. Все это, вроде бы, должно было укрепить ее жизненные позиции, обеспечить ресурсом стойкости. Увы... После того, как одноклассники дважды ее оскорбили, упомянув ее национальную «принадлежность», она объявила родителям, что уезжает из России в Израиль, и они вынуждены были за ней последовать.*

Б.Х. Издавлекa оценить эту ситуацию легко, но начну «с разбега» и метафорически.

Сегодня психологическое образование не столь престижно, как экономическое или юридическое, но по-прежнему весьма популярно: несмотря на все связанные с психологией иллюзии, оно задевает человека. И потому к нам поступают мотивированные ребята, которые на приемных экзаменах пишут интереснейшие сочинения.

М.Х. *Идут к вам, потому что столкнулись с личными проблемами?*

Б.Х. В основном, за исключением тех, кто пришел за компанией. Но разве есть люди без личных проблем? Поэтому идут те, кто себя на этом поймал и попытался «нырнуть» глубоко...

Итак, первое сентября, в аудитории первокурсники. Они такие счастливые: они поступили, куда хотели, пройдя сквозь сито самого большого в Красноярске конкурса – 12 абитуриентов на место. А я, обращаясь к ним, начинаю с того, что говорю: примите мои... соболезнования по поводу вашего поступления на наш факультет! Может быть, пока не поздно, кто-то из вас заберет свои документы? Конечно, я понимаю, надеяться на такое после того, как вы прошли конкурс, глупо. Но моя задача – ска-

зять вам об этом, чтобы потом, спустя какое-то время напомнить: вас предупредали.

Никакого шока – они понимают, что профессор «играет», но я продолжаю. Я рисую им картинку школьного коллектива, когда учителя и психологи работают, не пересекаясь и не объединяя свои усилия для решения общих задач. И если первые претендуют на свою подготовленность и предназначенность: мы, мол, больше понимаем, что происходит с детьми, и берем на себя за них ответственность, то психологам действительно надо наращивать силу. Но это – с учетом того, что они превращаются в какие-то странные фигуры, – опасная тенденция: Александр Асмолов образно называл ее грядущей «психозойской эрой».

На мой взгляд, миссия психологов в школе должна быть иной. Они должны организовать свою профессиональную деятельность таким образом, чтобы учитель нуждался не в их руках – в их голове. Иными словами, необходима психологическая образованность учителей и родителей.

В незапамятные времена Человек начал преобразовывать мир и, увлекшись, напрочь забыл о себе в наивной убежденности, что именно такие преобразования ему и нужны, именно они делают его могущественным. Ан нет. Человек упустил из виду, что с каждым шагом на пути технического «прогресса» меняется сам. И выйдя к границам допустимых изменений, даже, не исключено, перейдя их, уперся в неразрешимые, а потому грозные парадоксы. На мой взгляд, давно пора спохватиться и вернуться к своим – человеческим – проблемам. Если это, на что я надеюсь, произойдет, тогда предсказание Асмолова сбудется, но... психологическое образование перестанет быть специальным. Оно органично войдет в общие учебные курсы не только университетов, но и любых вузов, после чего исчезнет нужда в тысячах психологов, вернее, в психологических должностях. При этом качественный профессионал особенно в нашей области – это не результат массовой подготовки.

М.Х. *Так ты же типичный лоббист своего предмета!*

Б.Х. С тем отличием, что не предлагаю разрабатывать отдельно психологическую предметность как самостоятельную, автономную от других деятельность. Как считаю странным и то, что в рамках отдельного предмета изучают родной язык. На мой взгляд, все учителя, не только словесности, должны развивать

языковые нормы и практики. Мы ведь родной язык постигаем всюду: на любом уроке, на улице, дома, «ухватываем» его с экрана телевизора. И потому иностранным языком овладеть можно лишь в соответствующей языковой среде. Уроки – вещь замечательная, но без повседневной практики в языковой среде гораздо менее эффективны.

Приближаюсь к ответу на твой вопрос о дочери нашего приятеля. Мы мыслим категориями истории и мира, а живем – в квартире! Соотнести одно с другим – невероятно сложная работа рефлексивного мышления. Потому что ведем мы себя сообразно ситуации, а мыслим свою жизнь, определяем свои ценности и т.д. вовсе не исходя из нее. В конкретных ситуациях мы часто вынуждены отказываться от некоторых ценностных категорий, оправдывая себя тем, что это все фантазии, а жизнь – вот она какая... И поскольку жить надо сейчас, в руках приходится держать автомат!

М.Х. *Это то, что вчера на семинаре ты сказал студенту, который утверждал, что действует в соответствии с выработанными ценностными стратегиями?*

Б.Х. Да, есть стратегии, а есть тактики, которые должны реализовать стратегии, но очень часто им противоречат. И потому мы гораздо чаще живем не стратегически, а тактически, смещая рамки-границы глобально намеченной стратегии. Стратегический уровень самоопределения, стратегические модели понимания мира чаще всего не представлены в конкретных жизненных ситуациях абсолютно адекватно.

М.Х. *Слушая тебя – и себя, вдруг поймал себя на мысли: как приятно обсуждать стратегии и тактики, сидя в уютном кабинете, попивая предложенный тобой кофе. Более того, я сам готов вспомнить древнюю, как мир, максиму: худой мир лучше доброй ссоры. Человечество столько крови пролило – пусть даже ради чьего-то реального блага, что давно пора бы остановиться. Но, если говорить не о глобальном противостоянии политических систем, цивилизаций, культур, а о повседневной, обыденной жизни, все ли и всегда ли можно простить и забыть? Подашь ли ты руку подлецу? Спустишь ли оскорбление даже не близкого человека, а любого, кто не способен за себя постоять? Или предложишь в этот самый момент... переходить к переговорам? Где предел компромисса, где та граница, за ко-*

торой следует – или можно, допустимо – переходить от переговоров к более «адекватным» действиям? Думаю, что здесь не может быть одного ответа...

Б.Х. Разумеется ты прав, нет однозначного ответа на такой вопрос. Разумеется, не все можно простить и уж тем более забыть. На мой взгляд, границу всегда определяет «цена» решения, то есть то, что последует за нашим ответным действием. Если за этим последует кровь, то, черт с ним, сыграю, подам руку, наступлю на свою гордыню, особенно тогда, когда последствия, даже драматические, могут коснуться не только меня. Мне кажется, что предел связан с тем, как я смогу после этого – подам руку или не подам – к себе относиться. Я понимаю, что такие рассуждения действительно хороши в кабинете, а по жизни за такого рода решения отвечает моя нравственная привычка. А это такая штука, которая «выделяется» и проверяется.

И еще одно суждение. Меня нельзя оскорбить или обидеть – я могу оскорбиться или обидеться. Это принцип и ценность, связанная со сформированным отношением к себе и миру, причем к миру, принимаемому не как враждебный, даже если он таким кажется. То есть не всякое действие в мой адрес, которое по мысли действующего содержит оскорбление или «обижание», именно так мной воспринимается. В целом, если хочешь, все это теснейшим образом связано с ощущением собственной силы. В плане не мышечной массы, а именно самочувствия. Я много раз убеждался, что оно как-то улавливается агрессором. Ну и, разумеется, есть ситуации, когда не драться нельзя. И никакие переговоры не могут быть альтернативой. Это тот случай, когда есть ясная опасность для жизни и здоровья человека и ее иначе никак не предотвратить. Это тот случай, когда есть прямая непосредственная и немедленная угроза самому смыслу существования.

Но вот тебе реальный случай со мной. Прилетаю в Москву в качестве эксперта Совета Европы, меня встречает коллега высокого ранга в роскошном «Мерседесе» с водителем в форменном кителе. По дороге мы обсуждаем ситуацию на Северном Кавказе, проблемы гражданского образования, способы разрешения конфликтов. Меня огорчает, говорю я по ходу беседы, что на моей родине предметом гордости по-прежнему остаются лучшие в мире боевые вертолеты или автоматы. Военная мощь

не должна быть основанием патриотизма. Остается уважение людей с кулаками, а это психология, доставшаяся нам в наследство от животных, в поведении которых заложена программа сохранения жизни: если есть зубы, укуси, если нет, убеги. Культура дала нам возможность уйти от биологической программы, создать другие формы совместного бытия, а мы почему-то упрямо держимся за прошлое. Стратегической линией современного человека должна быть конверсия, и патриотизм состоит в том, чтобы обустривать Дом, а не охранять помойку с ружьем...

Внезапно в разговор вмешивается водитель, которого мои высказывания чем-то задели, и он повторяет банальную мысль: кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую. Я ему возражаю: ружье не может не стрелять, иначе это не ружье, а муляж. И потому человек с ружьем, обязанный оправдать свое существование, раньше или позже найдет повод выстрелить. На это водитель говорит, что решение проблем России не в разоружении, а в том, чтобы найти... гадов, которых сам бог велел перестрелять! А дальше, объясняя, кто они, добавляет, что Гитлер и Сталин слишком мало потрудились для их уничтожения... Моя собеседница в ужасе.

М.Х. *Испугалась, что конфликт выплеснется за пределы «Мерседеса»?*

Б.Х. Она переживала за меня, полагая, что мне причинили боль. А у меня другое отношение к подобным репликам, хотя в юности да, бывало, в ответ на слово «жид» я сразу бросался в драку. Но папа научил меня не поднимать любую перчатку!.. А Ежи Лец призывал нас не скрещивать шпагу с теми, у кого ее нет! Именно так надо проявлять чувство собственного достоинства. Конфликты, следом за которыми люди начинают скрещивать шпаги с теми, у кого их нет, неразрешимы, это столкновение с принципиально разным ресурсом.

М.Х. *То, что противоречие слишком часто «прячется» не там, где его пытаются разрешить, я понимаю, но почему такие конфликты неразрешимы?*

Б.Х. Когда мы скрещиваем шпагу с теми, у кого ее нет, мы свою шпагу... теряем! Проигрываем, потому что теряем ресурс. Я спрашиваю детей: как оценить отказ лермонтовского Арбенина принять вызов Звездича? Кто-нибудь усомнился в силе, в преимуществе Арбенина? Никто. Потому что, не приняв вызов, он

победил. А несчастье его в том, что затем он попался на манипуляцию, втянулся в борьбу на следующем шаге – и проиграл.

М.Х. *Так что же ты думаешь о нашей «героине», покинувшей страну? На мой взгляд, в этой ситуации проиграли все. Родители, которые согласились с решением дочери. Но в первую очередь сама девочка: не научившись отстаивать свое достоинство, она завтра проиграет схожий конфликт, в другой ситуации, на другом материале.*

Б.Х. Она много знала, но не умела рефлексировать и действовать. То, что она знала, тешило ее самолюбие, могло обеспечить пропуск в общество, по слову Александра Исаевича, «образованцев». Но ее знания не были инструментальны, то есть не были средством разрешения реальных жизненных конфликтов. Да, убегая от первого конфликта, она уже проиграла – стратегически. Или убежала на время, чтобы отрастить зубы.

М.Х. *Или убежала к «своим», полагая, что они кусать не будут. Но свои тоже кусаются, пусть по другим поводам.*

Б.Х. Мне мама говорила: евреи замечательно приспособляются именно в диаспоре, поскольку это условие противостояния, сопротивления. Чтобы преодолевать и овладевать ситуацией, они вынуждены были постоянно наращивать интеллектуальный потенциал. Именно преследование спасло этот этнос от исчезновения. Создав свое государство, они тут же утратили все свои преимущества...

М.Х. *Чем с водителем закончилось?*

Б.Х. Ничем. Довез до места назначения, помог донести чемодан, извинился. И, конечно, не раскаялся, потому что подобные тексты так просто не высказывают.

Агрессию порождает страх

М.Х. *Меня давно не отпускает вопрос, почему самые ранние мои воспоминания связаны с огорчением, обидой, страхом, хотя все детские годы я был окружен любовью близких людей. Вот первый эпизод. Мне лет пять, я в гостях у сестры, мы играем на балконе, в какой-то момент я выпускаю из рук пестик от замечательной, почти всамделишной медной ступки, он скатывается с балкона, мы бежим во двор, но пестика найти не можем и горько плачем.*

Второй эпизод. Мне купили лыжи, я хочу их опробовать и впервые самостоятельно выхожу из дома. У подъезда подскакивает пацан моего возраста и говорит: дай покататься! Я вижу гвоздь в его руке, стоящих рядом ребят постарше... Центр Москвы, ясный солнечный день, на улице полно взрослых, но меня сковывает страх и я молча, безропотно, навсегда расстаюсь со своими замечательными лыжами.

Наконец, первая военная зима, эвакуация в Куйбышев, нас размещают в здании средней школы. Наутро ко мне подходит сверстник и приглашает спуститься вниз для знакомства. Теперь представь: в вестибюль ведут две лестницы, по одной спускаю я, по другой несутся пригласившие ребята, они налетают на меня и... затевают драку! Удивительно, что никогда в такие переделки не попадавший, драться не умеющий, я им не сдался. Потом все как-то образовалось, мы даже подружились, но я и по сей день не могу забыть острого чувства несправедливости и обиды: почему, за что они так на меня навалились?

Б.Х. Твои эпизоды очень интересны, могу добавить к ним свои. Скажем, как у тебя лыжи, так у меня во дворе пытались отнять только что подаренный трехколесный велосипед, правда, несмотря на пережитый испуг, мне удалось подарок отстоять. Но сначала я предпочту задать рамки, а уже потом обсуждать существо проблемы.

Рамка первая: в «природе» агрессии всегда лежит страх. Даже если она не сразу следует за испугом – это всегда попытка компенсировать страх. Агрессивные люди, как правило, кажутся нам смелыми, но такая «смелость» защищает их от страха.

М.Х. *Не уверен, что во всех случаях человек проявляет смелость исключительно от страха, но понимаю то, что ты говоришь. Вот у меня был друг, отчаянный арбатский хулиган, он дрался, как мало кто другой. Но однажды, когда я поведал ему о своей, мягко говоря, нерешительности в уличных столкновениях, он в ответ признался, что, предчувствуя неизбежную драку, ощущает холод в животе, но по многолетнему опыту знает: чтобы не быть избитым, он должен ударить первым.*

Б.Х. Судя по всему, он один из немногих, кто ухватил эту связь. Тот же, кто страха не испытал, не агрессивен. Кстати, после случая с велосипедом я тоже не раз попадал в разные переделки и

вынужден был драться. Причем, стоило мне почувствовать угрозу, как душа тут же падала в пятки, и я никогда толком не видел, кого и куда бью...

М.Х. *Но всегда ли агрессия выступает спутником или следствием страха? Например, признаюсь тебе как на исповеди: я считаю себя доброжелательным человеком, но, подходя в час пик к автобусу или вагону метро, ощущаю, как во мне рождается чувство враждебности по отношению к стоящим со мной рядом, причем не только к молодым, но и пожилым людям – они, как и я, тоже хотят сесть, а свободных мест на всех нас не хватит... Всякий раз при этом я страдаю от стыда, но ничего с собой поделаться не могу.*

Б.Х. Так на индивидуальном уровне проявляется, как говорят психологи, идея делить ресурс, провоцирует интолерантность и агрессию. Поэтому надо искать, сколь бы трудно это ни было, способы не делить, а приумножать ресурс. Это принципиально иная культурная ориентация – на развитие, на новые принципы организации жизни в общежитии.

Возвращаясь к паре «страх-агрессия», расскажу еще об одном давнем случае. Я был уже взрослым мужиком, кандидатом наук, когда после стажировки в Японии вернулся в Красноярск наш бывший выпускник и в городском подразделении внутренних дел обучал разным приемам карате группу захвата, никаких ОМОНов тогда в помине не было, да и карате было чуть ли не под запретом, запретный же плод, как известно, сладок. Вот мы с приятелями и уговорили нашего знакомого обучать нас этому виду единоборств, организовали нечто вроде секции, стали ходить в зал, кричали полагающиеся слова, куда-то лупили в свое удовольствие.

Тренер обучал нас контактными приемами, других, очевидно, не знал, а мы, чтобы ничего друг другу не повредить, пользовались разными прикрытиями. К слову, когда сегодня я вижу дешевые американские боевики, то понимаю, что если бить все-речь, то после любого такого удара человека сразу должны свезти в больницу или на кладбище, а герои боевиков скачут как ни в чем не бывало! Ну да ладно. Занимался я почти год – до тех пор, пока не поймал себя на желании кого-то... вдарить! Проверить, так сказать, эффективность тренировки в «полевых» условиях. Потому что умение применять приемы – это как ружье,

которое раньше или позже должно выстрелить, иначе это муляж. На следующий день, осознав, что со мной произошло, я вышел из секции.

А недавно я увидел телерепортаж с тренировки каратистов и услышал закадровый текст: журналист призывал «накапливать и транслировать опыт таких единоборств»! Понятно, вдарить так, чтобы соперник не встал – это мы с радостью, и потому опыта единоборств должно быть больше. Хотя обеспокоиться следовало бы другим опытом: успешных переговоров, соглашений, преодоления конфликтов.

М.Х. *Но одно с другим никак не связано.*

Б.Х. Еще как связано. Назови вид спорта, где выигрывают за счет кооперации. Да, я знаю, есть игровые виды, но и в них команда выигрывает, побеждая соперников.

М.Х. *Но есть немало спортивных соревнований, от легкой атлетики до экстремальных, как их называют, видов, то же скалолазание или спуск в лодках по горным рекам, когда человек преодолевает в первую очередь самого себя. Кроме того, спорт – это огромная область современной культуры, особая форма бытия, уникальный воспитатель.*

Б.Х. И какие такие замечательные качества воспитывают единоборства?

М.Х. *Умение победить соперника, в том числе за счет мысли.*

Б.Х. Ну ты хватил.

М.Х. *Не я, об этом на методологическом семинаре говорил Владимир Юркевич, чемпион мира по классической борьбе: в схватке двух равных по силе соперников побеждает тот, кто умеет в мысли и рефлексии опережать соперника.*

Б.Х. Заметь – в схватке мастеров, а чемпионское мастерство нарабатывается годами. Но в первую очередь единоборства пекут не мысль, с помощью которой можно обыграть соперника, а жесткую силу, которая должна сломать не партнера по схватке, а противника, врага. И это, на мой взгляд, очень опасная тенденция, культивирование которой точно ориентировано на самые низменные инстинкты. Потому что соответствует страху. И вот тебе вторая максима про то, что такое страх: присущий человеку как биологическому виду, он связан с тем, что все мы приходим в этот мир, переживая, пусть неосознанно, колоссальную утрату.

М.Х. Ты подразумеваешь роды?

Б.Х. Да, когда из условий абсолютной защищенности человека выбрасывают в мир полной неопределенности. Вспомни: чтобы чувствовать себя, свое присутствие в мире, надо во что-то или обо что-то упереться.

М.Х. Никогда не задумывался о своем присутствии в мире, но всегда сознавал, что основа моей, в каком-то смысле, беззаботности – это отчий дом: что бы я ни сотворил, я всегда смогу найти у родителей приют и поддержку.

Б.Х. Они были твоей опорой, в которой – в той или иной степени – нуждаемся все мы. Взгляни: едва стул, на котором я сижу, пошатнулся, как я испугался, что могу упасть. Тут же в крови оказывается повышенное содержание адреналина, сердце начинает сокращаться чаще, включаются гладкие мышцы, не подвластные центральной нервной системе, и я теряю способность управлять собственным организмом. То же самое мы испытываем в лифте в секунду невесомости, но спустя мгновение опора возвращается и все встает на свои места. Кстати, именно поэтому самым сложным в работе с космонавтами была отработка преодоления чувства невесомости.

Итак, природа страха – в утрате опоры, определенности. А теперь комментарии рассказанных тобой эпизодов. К тебе подскочил пацан, ты заметил его более взрослых подельщиков и в ту же секунду утратил ресурс определенности: животом ощутил, что не знаешь, что произойдет через секунду-другую. Твоего друга с Арбата научила бить первым улица, у тебя в шесть лет такого опыта быть не могло, ты почувствовал свою беспомощность – и тут же начал не любить себя!

Вот **главное**: едва ли не самое неприятное переживание – это **чувство унижения**, утрата чувства себя. Мы потому стыдимся страха, что под его влиянием пасуем перед обстоятельствами. Они оказались сильнее нас: нам пришлось смириться, «лечь под них», публично утратить гордость, достоинство. И спустя годы человек переживает не когда-то испытанный страх, а то, что за ним последовало. И это уже социальная характеристика человека, связанная с уровнем его самооценки.

Точно также мы боимся потерять близких людей – свою опору.

М.Х. Это понятно: оплакивая ушедших, я жалею себя, оставшегося в одиночестве.

Б.Х. Конечно. И потому главный смысл похорон – сохранение в своей памяти образа ушедших и отношений с ними, переведенных в знаки, в ритуалы. Мы хотим удержать хотя бы часть прежних связей, прежней определенности. Даже ожидаемый уход близких людей мы компенсируем растягиванием ритуала: собираемся на девятый день, на сороковой, приходим к могилам.

Повторю: мы чаще всего имеем дело не с биологическим страхом, а с его социальными производными. В том числе с аутоагрессией: я уничтожаю в себе того, кто унижен. Она может привести к самоубийству: человек не приемлет себя такого настолько, что готов к самому худшему. Это бывает с людьми в тюрьме, «зоне», если их «опускают».

А почему человек, падая с высоты, кричит?

М.Х. Пугается.

Б.Х. Само собой, а кричит потому, что пытается ухватиться, как за последнюю опору, за голос. Точно так же слабый человек, боясь неотвратимой драки, кричит, подспудно думая, что криком усиливают свой ресурс.

В годы перестройки Красноярск заполонили китайцы. И я не раз наблюдал одну и ту же сценку: войдя в магазин, они пытаются что-то купить, продавщица им что-то говорит, они русский язык не понимают, и в какой-то момент она начинает повышать голос. Понятно, почему, да? Она опору ищет в единственном своем ресурсе.

М.Х. И какое все это имеет отношение к проблемам толерантности?

Б.Х. Страх, обида, унижение – эти социальные проявления всегда «опрокидываются» на того, кто опору отобрал, в том числе, как в случае с суицидом, на самого себя. Можно обижаться на кого угодно: на соседа по лестничной клетке, на человека «кавказской национальности». Или на судьбу, погружаясь в самобичевание и, в конце концов, в шизофрению, что присуще, как говорил незабвенный Ильич, «гнилой интеллигенции». Вот тебе и начало конфликта.

Если человек начинает понимать природу страха и его производных, то ему уже можно помочь, нормализуя его психологическое состояние. Избавиться от страха нельзя, но можно сформировать культурные способы его преодоления, не пере-

водя его в ответную агрессию. Самое главное: научиться понимать, что со мной происходит. Не понимая, я пытаюсь найти эрзац-опоры. Так возникает ксенофобия, боязнь незнакомца, образы врага. Как только это произошло, все становится на свои места: ситуация определилась, я нашел причину своих бед.

М.Х. *Понятно, согласиться с тем, что причина внутри меня, – самое трудное.*

Б.Х. Да, но нельзя искать источник своих бед только в себе самом или только вовне, они «распределены». Как говорил Выготский: искать причины чего-либо в собственном мозгу – это все равно, что искать свое изображение за зеркалом. Они могут и генерироваться во мне, и порождаться социальным окружением. Они многослойны, многообразны, разнообразны и целостны во взаимозависимости. Думать, что отдельный автономный человек может быть сильнее мира – опасная иллюзия. Именно поэтому Георгий Петрович все время возвращался к идеям клуба, в котором только и может жить личность, и организации.

А мы продолжаем связывать все наши нынешние беды, отраженные в социальных и политических ситуациях, с «лицами кавказской национальности» или с международными, в том числе сионистскими, заговорами.

Мы одной крови, ты и я!

М.Х. *Как тебе известно, в соответствии с программой формирования общественной толерантности в разных городах страны прошли выставки плакатов под общим названием «Я не хочу ненавидеть!». На одном из плакатов меня привлек текст: «Мы это они» - «Они это мы!» Мысль, безусловно, благородная, но не согласишься ли ты со мной в том, что, пока мы будем оставаться в пространстве красивых деклараций, ничего не изменится? Потому что все мы разные хоть в чем-то, все не такие, как окружающие, иначе жизнь была бы невыносимой по совсем другим причинам.*

Б.Х. В том-то и дело: человек одновременно стремится быть как все и не как все.

Расскажу любопытную историю. Александр Кроник и Евгений Головаха, мои друзья и коллеги, философ и психолог, написали известную в свое время книгу «Психологическое время

личности», затем разработали метод исследования, назвав его методом биографий. Это нечто вроде игры, которую они назвали «Линия жизни». Включаясь в нее, каждый человек может описать всю свою жизнь, буквально соткать ее из событий, в том числе случившихся до его рождения, что важно, потому что некоторое содержание нашей жизни возникает до нас. Мы это с тобой обсуждали, говоря о значимости фамилии. Одновременно фантазируя по поводу будущих событий и заново формируя свое отношение к прошлому, настоящему и будущему, человек проявляет способность, кто больше, кто меньше, мыслить стратегически. Самое главное: он может решить, что какая-то часть жизни его не устраивает, и переделать ее. Получает уникальную возможность «работать» со своей жизнью как с материалом «на доске», с которым может делать все, что пожелает, и становится в буквальном смысле демиургом – творцом собственной судьбы.

Последние годы я активно использую этот метод в работе со школьниками, студентами, в группах по гражданскому образованию, предлагая некоторую предварительную процедуру, которую авторы метода условно назвали «Чародей». Согласно этой процедуре, включившиеся в игру условно принимают меня, ее руководителя, как великого мага, чародея, который может дать человеку любое качество, которого тому недостает. После чего каждый пишет о том, чего ему, с его точки зрения, в характере не хватает и что он хотел бы иметь. Поначалу это длиннющие списки пожеланий. Но я говорю: как человек честный, должен предупредить, что всех и во всем удовлетворить не смогу, вас много, времени мало, поэтому выберите что-то одно, для вас важнейшее. Они выбирают, и свои записочки, не подписываясь, передают мне. Собрав их, я выдвигаю еще одно условие: заказы ваши я принял, но как человек с большим профессиональным опытом предупреждаю, что желаемое качество вы обретете только в том случае, если окружающие вас люди будут к нему толерантны, то есть, окажутся носителями условий, при которых оно себя проявит. Поэтому предлагаю подумать, какая черта характера в окружающих вас людях – родственниках, друзьях, коллегах, учителях, да хоть у соседей по автобусу – мешает проявлению ваших лучших качеств. Они пишут, и я кладу новые записки рядом с первыми: одна кучка – черта характера для

себя, другая – для окружающих, после чего переписываю на доске эти качества в два столбика.

Когда авторы методики опробовали ее с помощью публикации в журнале, получая письма читателей со всей страны, а я то же самое получаю, работая в группе, выяснилось, что себе человек желает быть твердым, уверенным, целеустремленным, волевым, мобилизованным и далее в том же духе. То есть мы чувствуем, что нам не хватает внутренней уверенности, твердости духа, мы знаем, каких трудов стоит нам принятие каждого решения и т.д. Вспомни: быть самим собой, собраться, сосредоточиться...

А чего мы желаем окружающим? Улыбаешься? Да, мы хотим, чтобы наши друзья и коллеги были людьми понимающими, контактными, внимательными, уступчивыми... И первый вывод, который можно сделать, глядя на выписанные столбцы, такой: я хочу иметь власть над людьми, они должны быть податливыми, чтобы мне было легко ими манипулировать и управлять, чтобы они мне служили, в буквальном смысле это отношение сверху вниз: я твердый, ты мягкий – я во главе.

Но, разобравшись, поняли другое. Ведь эти записочки написали одни и те же люди. Они же, прося себе твердости, знают про себя, что они мягкие и податливые, хотя соседей видят – а это те же люди – избыточно твердыми. И тот, в котором углядели избыточную твердость, про себя знает, что он слишком мягкий! Оказывается, мы воспринимаем в других внешнюю форму, а она жесткая и определенная, мы такими формами сталкиваемся друг с другом и к ним относимся. И чтобы узнать, что другой человек на поверку оказывается таким же, как я, при всех отличиях, требуется либо время, которого у нас, как правило, нет, либо случай, либо вот такая игра. Оказывается, другой не совсем другой: если удастся вскрыть внутреннее содержание, то все начинают выглядеть иначе, похожими на нас и значительно для нас приемлемей.

М.Х. Я улыбнулся, потому что в такую ситуацию однажды попал вне всякой игры. В доме отдыха познакомился с другом моего друга, вновь мы встретились спустя полгода за праздничным столом. И после того, как было принято несколько рюмок, он мне вдруг доверительно говорит: «А ты, оказывается, потрясающий обманщик!» Я оторопел, а он продолжил: «Ког-

да мы познакомились, я увидел в тебе эдакого супермена, а на самом-то деле ты же мягкий, как воск»!

Б.Х. Почему-то принято относиться к человеку буквально по внешней форме.

М.Х. *По одежке встречают...*

Б.Х. Да, замечательная человеческая мудрость, но дальше-то: на самом деле по одежке не только встречают, но и провожают, люди не спешат одежды сбрасывать перед другими, поскольку их видят другими – чрезмерно твердыми. А мы не знаем, что стоит за этой твердостью, которая нам, на самом деле, померещилась. И другая присказка: все же помнят, что «кто-то камень положил в его протянутую руку»... Именно поэтому ребенок на вопрос, что он ждет от встречного, от взрослого, отвечает: аванс доброты! Но никто аванс давать не хочет, это рискованно.

М.Х. *И это ты считаешь одним из краеугольных камней проблемы толерантности? Но тогда при чем здесь разрыв и конфликт поколений?*

Б.Х. Потому что недоверие, отказ выдать аванс доброты, боязнь рискнуть и проиграть – это все воспитанное, культурой воспроизводимое. О чем мы предупреждаем детей чаще всего? Это чужой! К чужому не подходи, чужого не тронь, чужой опасен.

М.Х. *А и вправду, позволь ребенка нынче не предупредить, чтобы он не открывал незнакомцу двери...*

Б.Х. Лет десять назад в журнале американской психологической ассоциации была большая публикация о программе, принятой в связи с сексуальным насилием в стране. Программа предусматривала специальный тренинг для девочек: их должны были учить правилам поведения при встрече с незнакомыми мужчинами и вообще лицами мужского пола, умению держать дистанцию, уходить от контактов с непредсказуемыми последствиями и т.д. Как всегда в Штатах, программа быстро получила национальный статус. Спустя несколько лет американцы получили результат – колоссальное напряжение в ситуации брачной активности, то есть когда знакомятся будущие женихи и невесты или даже будущие мужья и жены. Оказалось, что большинство боится друг друга, этот страх в них заложили! Они жаждут сближения, но поведение диктует страх перед агрессором, потенциально сексуальным маньяком и т.д.

Если установку на то, что другой – это источник потенциальной опасности, закладывают последовательно и долго, то потом преодолевать ее страшно трудно. Это же не просто информация, к которой можно отнестись критически, это результат длительного воздействия, начиная с ранних возрастов, когда ребенок очень доверчив, особенно к ближайшему взрослому.

А сегодня наши средства массовой информации со всей своей мощью просто лелеют идею агрессии, с поразительной настойчивостью культивируют ее. И я как психолог утверждаю, что, внушая отвращение к чему-то, мы закладываем в человека тягу к отвратительному, а запугивая, получаем обоюдоострую ситуацию. С одной стороны, он начинает бояться всего на свете, с другой – психологи давно знают, как притягательно для человека то, чего он боится.

М.Х. *Но, скажем, в гору мы лезем еще и потому, что «есть прелесть бездны на краю»... Мы все время стремимся преодолеть себя, заложенный в нас страх, разве не так?*

Б.Х. Все гораздо сложнее. Но пока я хочу лишь довести до родителей простую мысль. Они должны знать, что запугивание срабатывает в обе стороны: одновременно страшит и притягивает, особенно в те моменты, когда подросток входит в ситуации поиска собственной идентичности, когда ему нужно рискнуть для того, чтобы почувствовать себя на краю и понять, как он может себя преодолеть. И ему постоянно напоминают: смотри, как отвратителен пьяный! как несчастен человек, сидящий на игле! как безобразно ведут себя эти подростки, которые целуются на глазах у всех! Что после всех этих предупреждений делает ребенок? Начинает двигаться в том направлении, от которого его предостерегали, и именно потому, что это ему отвратительно. Дело в том, что предостережения человека со слабой психикой начинают преследовать, и он мучается, понимая, что пока сам того же не совершит, это его не отпустит, его начинает к этому тянуть, он хочет это попробовать – либо для того, чтобы отпустило, он же знает, что это безобразно, либо... коготок увяз, всей птичке пропасть.

Вновь упомяну мои тренировки карате, которые я прекратил, как только почувствовал, что хочу кого-нибудь ударить. Но я-то был тогда взрослым и понимающим ситуацию человеком. А ребенок по мере овладения приемами единоборств обязатель-

но будет искать способ их применить, проверить мощь своего удара, иного быть не может.

М.Х. *Давай вернемся к периоду доверчивости. Думаю, ты согласишься, что в боязни чужого биологического происхождения животные и люди похожи. Но по мере взросления и воспитания в семье ребенок начинает формироваться как социальный субъект, и это родители первыми втолковывают ему, к какому народу, или, в советской терминологии – национальности – он принадлежит.*

Б.Х. Да, разумеется, с первыми проявлениями национального характера я, как, очевидно, и все мы, познакомился в семье: к родителям приходили друзья, я тут же вертелся..

М.Х. *И все друзья родителей были одной «известной» национальности?*

Б.Х. Почему же, разных, но той, на которую намекаешь ты, было больше.

М.Х. *Именно в той общности ты по сей день находишь свою идентичность?*

Б.Х. Нет, это для меня не источник ресурса, а место, где когда-то нечто складывалось, происходило, случалось, но это прошлое, и я не собираюсь использовать его в своих конструкциях.

М.Х. *И проблем с толерантностью в этом пункте, с твоей точки зрения, не возникает?*

Б.Х. Нет, конечно, я это принимаю как некую данность, не более того. Что было, то было, это нельзя класть в перспективу, вот где страшная ошибка. Интолерантность вырастает там и тогда, где и когда мы канонизируем старые схемы, превращаем их в нормы, абсолютизируем и буквально требуем, с ножом к горлу, от человека ответа: так ты кто, еврей или не еврей?! Я же на такой вопрос отвечаю: я человек. Все! Могу сказать, что я мужчина, к слову, у меня есть концепция мужчины, могу сказать, что я психолог, педагог, исследователь, социально активный персонаж, еще я ростом 172 см, близорукий. А то, что я еврей, татарин, русский, калмык или американец, меня как человека ну никак не характеризует.

М.Х. *Значит изначально в силу своего семейного или родового происхождения мы не обречены на этническую интолерантность?*

Б.Х. Нет, не обречены, хотя бы потому, что мы с тобой, а одновременно с нами другие эту тему обсуждаем. Потому что все больше людей в мире понимают, что это путь тупиковый, что безудержная эксплуатация подобных культурных традиций вредит строительству будущего. Мы тащим в жизнь то, чему место в музее. У музейного экспоната – своя ценность, люди должны ее знать, понимая, что эта ценность – из прошлого: так мы жили. Но использовать их как культурный ориентир в строительстве будущего абсолютно неуместно, хотя бы с точки зрения цивилизационной динамики. Их столкновение порождает монстров.

Выскажу тезис, который возмутит очень многих: идея разных этносов – такая же музейная идея. Она совершенно неадекватна становящимся формам организации жизни, современным технологиям, кооперации. Им же не адекватна идея отделения, сегрегации. Все нормальные люди понимают, что палестинцы с их абсолютной нищетой и цивилизационно продвинутые израильтяне ни за что, сохраняя статус кво, не уживутся. Но искать выход из ситуации, опираясь на музей, в стремлении отделиться, в кровавом споре о том, кому исторически принадлежит тот или иной участок земли, столь же бесперспективно. И потому, на мой взгляд, был не прав Солженицын, когда писал о «подбрюшьи» России, предлагая отделиться от южных соседей. Какие границы нынче могут что-то перекрыть? Можно ли с их помощью победить тот же наркобизнес? Ни за что. Пока нищие люди не освоят другие способы заработка и нормальной жизни, они будут протаскивать наркотики через границы, несмотря ни на что.

Тебя не ужасает знание того, что ядерным оружием владеет нищая страна, что им могут овладеть и другие нищие страны? Не дай Бог, какому-либо из их полуграмотных лидеров втемяшится бабахнуть по богатому соседу, по «враждебному» этносу.

Все! Время, когда способы организации жизни и взаимодействия людей опирались на музей, себя исчерпало. Что требуется? Новое мышление. А оно либо отсутствует, либо развито в одном направлении, в одном предмете. Как, например, у военных.

Выйдя в космос, человек понял, что границ между странами не существует. Выход в космос стал еще одним сигналом того, что прошлое кончилось. И потому, предъявляя свое понимание

глобальной проблемы, говорю: она в том, что политику и поведение людей по сей день продолжают определять «музейные» ценности.

Глобальной, а не локальной, становится проблема энергии, питьевой воды. В погоне за скоростью ежегодно гибнет больше людей, чем на войне. И если мы начинаем выдвигать на передний план гуманитарные проблемы, то одной из первых должна быть осознана задача замедления скорости.

М.Х. Ты предполагаешь, что возможность замедлиться в развитии существует?

Б.Х. Я вижу определенные тенденции, имея в виду не линейные характеристики скорости. Как и с конфликтами: их нельзя решать по принципу «либо – либо». Это тот самый случай, когда если рефлексии нет, все видно предельно плоско, примитивно, а не, скажем, голографически.

М.Х. Какие же тенденции ты видишь?

Б.Х. Например, удлинение детства. Первый такой признак появился относительно давно: помимо появления младшего возраста, для которого придумали начальную школу, осознали как массовый возраст подростка, затем юношеский. Я убежден, что последнее время появилась и стала разворачиваться линия на вычленение университетского возраста, и надо понять, как юноша должен в этот возраст входить. Человек должен **иметь длинную молодость**. Вопрос в том, как в нее втянуть социальное бытие. До сих пор понятие молодежи ассоциируется в лучшем случае с понятиями учения, развлечения, потребления. Что такое молодой человек? Это нахлебник, бездельник, которого надо обеспечить.

Нет, говорю я, это не так. Идея образования становится идеей, существенно удлиняющей и в каком-то смысле замедляющей динамику взросления. Вредно перешагивать через возраст, спешить заканчивать обучение в школе как можно раньше, подростком поступать сразу аж на второй курс университета.

В год окончания школы я познакомился со сверстницей, которая училась уже на втором курсе университета. У нас сложились дружеские отношения, и спустя пару лет я привел ее, хвастаясь таким знакомством, в свою кампанию. Но оказалось, что не только моим друзьям сложно общаться с ней, но и ей не сладко в университете: однокурсники, сверстники, но не ровесники,

ощущают себя рядом с ней, как с неким эксклюзивом, неловко, а потому стараются дистанцироваться от нее. В результате она выпала из сообщества, оказалась изолированной.

М.Х. *Но родители гордятся своими вундеркиндами, требуют для них создания специальных классов и даже школ.*

Б.Х. Понимают ли родители, что, не продумав способов компенсации, они обрекают детей на несчастную жизнь? Это опять же путь к сегрегации, к обособлению одаренных детей в одном месте – оградим их заборчиком... Как преступников. Но, обрати внимание, преступники, собранные в тюрьмах и лагерях, воспроизводятся, а умножаем ли мы изоляцией таланты? Увы... Этот вопрос для меня риторический. Я убежден, что мы с упорством, достойным иного применения, совершенствуем не общество, а изоляционные механизмы, ведущие, что давно понято, в тупик.

И тогда нам придется вводить разные статусы и права для разных «сегрегантов», хотя борьба за равные права не утихнет никогда... Униженные женщины будут бороться за равные права с мужчинами. Ресурсно недостаточные люди, которые могут существовать только при условии социальной помощи, будут, объединившись, сражаться с людьми, присвоившими себе избыточные, по их мнению, ресурсы. А эти спустя какое-то время возмутятся: мы вкалываем, зарабатываем, с какой стати должны делиться и кормить бездельников.

И так до бесконечности. Потому что на вооружение взят принцип не интеграции, а диссоциации, порождающей требования к особым правам, особым нормам и т.д. Такая тенденция архаична и сдерживает развитие.

Плюралист ты... поганый!

Б.Х. А вот тебе еще один аспект темы, которую мы начали обсуждать. Пару лет назад в гимназию пришел папа – лицо, как сегодня говорят, кавказской национальности – и спросил, сможет ли его сын учить у нас не только русский, английский, но и армянский язык.

М.Х. *По-моему, в этом ничего предосудительного: родители хотят, чтобы дети не забывали свои национальные корни.*

Б.Х. Не спорю, более того, это их право, а потому система дополнительного образования должна обеспечить возможность

изучать национальную историю и культуру. Ситуативно это верно. Но я все равно считаю такой подход очередным паллиативом.

На мой взгляд, права этноса, нации, народа на самоопределение вторичны, производны от прав человека в независимости от его национальной принадлежности. Выделяя права отдельных групп, мы сразу противопоставляем их другим, фактически иницируя людей занять место, территорию. Оградить ее. Пометить особым знаком. Увековечить иное! Создать много резерваций! Но тогда почему право должно соотноситься только с происхождением? А как быть с правами рыжих или голубоглазых? Или сексуальных меньшинств?

Права человека не трансформируются в права групп, объединенных по тому или иному признаку, будь то этносы, культуры или пол, не могут и не должны. Требование прав одной группы немедленно порождает противоречия, которые неминуемо разворачиваются в конфликты. Потому что реализация идеи права означает, что должны быть обеспечены ресурсы. И пошло-поехало: общие ресурсы должны быть перераспределены и уравнены, статистики должны подсчитать, сколько среди нас армян, сколько русских, таджиков...

Почему до сих пор порой звучат требования о пропорциональном представительстве титульной нации в правительстве? Обрати внимание, в правительстве! Разве оно должно отражать этнографическую картину? Как равноправный, независимо от национальной принадлежности, гражданин страны, я заинтересован только в одном: чтобы любой министр был компетентен в своей профессиональной деятельности. И только.

Но продолжим. Мы утверждаем, например, что права народов обусловлены исторически сложившимися обстоятельствами. Так спорят об Иерусалиме Палестина с Израилем: каждый выбирает свой клочок истории и на его основе, доказывая его безусловную значимость, отстаивает свое «право».

Если апеллировать к прошлому, то все американцы должны немедленно покинуть свой нынешний континент. А все нынешние сибиряки немедленно освободить территории за Уралом для титульных, как говорят этнографы, наций, в том числе киргизов. К слову, недавно я был в Татарстане, где узнал, что все мы вышли... из Золотой Орды! Оказывается, есть и такая «история». Симптоматично, кто ее творит. Исторические спекуляции тво-

рят так называемые профессионалы, намертво прикрепленные к тому или иному научному предмету, той же истории или этнографии. Системное мышление отсутствует у них напрочь. Они не проектируют будущего, а настоящее рассматривают не из будущего – из прошлого. Часто к тому же из прошлого вымышленного, мифологизированного, именно такое прошлое предлагая воссоздать. Это ход в никуда: подобные конфликты разрешить невозможно. Хотя бы потому, что многие нынешние конфликты порождаются противоречиями совместного бытия. Решить их, разделившись, нельзя, не получится.

М.Х. *С помощью таких спекуляций решают свои ситуативные задачи политики-популисты.*

Б.Х. Не только популисты. Кто контролирует конфликтные ситуации и посредничает на переговорах? Как правило, тот, в чьих интересах обострять ситуацию, иначе посредник не нужен. Но при чем здесь межэтнические противоречия, когда на кону – глобальные геоэкономические интересы, во имя которых надо держать под напряжением целый регион. И не будь межэтнических конфликтов, придумали бы другие.

М.Х. *А если рассуждать как обычные люди. Чтобы не ссылаться на других, приведу в пример себя. Меня, воспитанного в духе интернационализма, национальность окружающих интересует в последнюю очередь. Но, скажем, когда в электричку одновременно со мной входит десятка полтора галдящих и по моим ощущениям давно не мытых цыган, женщин и детей...*

Б.Х. Постой, постой, при чем здесь национальность? А если рядом с тобой окажется давно не мытый бомж? Тебе неприятны конкретные люди, этически неприятны, но вместо того, чтобы обозначить неприемлемое по существу, ты подставляешь имя собственное – цыган. Это обычная подмена, на которой мы ловимся, пользуясь догмами и попадая в расставленные повсюду знаки-ловушки. Символы прошлого – это вериги, висящие на нас тяжким грузом. И что, будем тащить их в будущее? Будем лелеять подобные «ценности», по-прежнему оперировать знаками, которые веками заставляли человека воевать, убивать, принося в жертву десятки тысяч, миллионы людей.

М.Х. *Так ты полагаешь, что человечество придет к необходимости пересмотреть прежние, в том числе этнические и национальные догмы?*

Б.Х. Убежден в этом, хотя крови прольется еще видимо невидимо. Я же не идиот, я понимаю, что изжить прошлое невероятно трудно. Всем нам. Потому что мы впитываем самые разные мифы с молоком матери.

При этом я также понимаю причины живучести подобных мифов. Например, если я захочу, а финансы позволят, поехать отдыхать куда-нибудь в теплые края, скажем, на Багамы, мне, как любому гражданину России, придется не только покупать билет, но и оформить визу. Как и жителю Багам, если он захочет приехать ко мне в гости. С какой, казалось бы, стати? Ответ простой: потому что среди наших современников есть люди, назовем их мягко – нечестные, от которых страны вынуждены защищаться, опираясь на международные правила.

Возвращаюсь к вопросу о якобы межэтнических или межкультурных противоречиях: нам всем необходимо по возможности минимизировать потери.

М.Х. Чего?

Б.Х. Людей. Ресурсов. Своей жизни. Моя у меня одна, другой не будет, я хочу обсуждать прорывы человеческой мысли и Духа, а мы что сейчас с тобой обсуждаем, на что тратим время? Что из того, что мне вслед могут бросить – жид! А могли бы – очкарик. Рыжий. Яйцеголовый. Недавно приятель сказал: «Знаешь, какими словами тебя ругать надо? Плюралист ты... поганый»!

М.Х. *Это понятно: когда жизнь достает, самый простой выход – воспользоваться известными клише. Еще анекдот. Лето, жара, пастух не может справиться со стадом, коровы разбредаются, а он, вытирая пот со лба, в изнеможении бормочет: у-у, евреи...*

Б.Х. Это и есть фетишизм, подмена реально происходящего фетишем: человек не в состоянии сообразить, что происходит. И мы опять возвращаемся к неразвитости мышления, вне которого мы не можем программировать и проектировать свое будущее.